

воспитания, такими как семья и религия, несущими нравственные ценности по модели социально ориентированных долговременных отношений, и индивидуально выстраиваемым маршрутам молодого поколения с приоритетной моделью кратковременных контактов и практик. Такой посыл несет в себе необходимость переосмысления подходов к трансляции исторически сложившейся религиозной картины мира для молодого поколения на уровне учебных курсов.

С целью изучения отношения студентов к учебному курсу «Духовно-нравственное воспитание» в марте 2021 года было проведено разведывательное исследование методом спровоцированного документа. Группе студентов (20 человек, 4 курс), имеющих опыт прослушивания подобного курса, предлагались неоконченные предложения. Студенты выразили согласие с тем, что знакомство с традициями духовно-нравственного воспитания личности важны, поскольку «это проблема в мире». Изучении учебного курса представилось спорным, поскольку «у студентов уже сложились жизненные ценности и ориентиры». Практически все обучающиеся (75 %) согласны с тем, что современный мир, ценности людей, образ жизни создает определенное препятствие в трансляции подобного рода дисциплин для подрастающего поколения. Учебный курс «Духовно-нравственное воспитание» нуждается в определенном подходе, «который ориентирован на выслушивание разных позиций студентов», «возможность обратной связи со стороны слушателей», «преподавать только заинтересованным людям».

Разведывательное исследование показало значимость диалогичного подхода к трансляции учебного курса «Духовно-нравственное воспитание». Он вызван не столько природой религиозного знания, сколько появлением нового поколения с особым «мозаичным» мышлением (термин А. Моля), появившимся в эпоху постмодернизма. В современном образовательном пространстве учебный курс, несущий в себе религиозное знание, нуждается в особом подходе преподавания: от догматичности к диалогичности.

Библиографический список

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие Л. Б. Гофмана. - М.: Наука, 1990. - 575 с., С. 155.
2. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с., С. 68.
- Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. - М.: Эксмо, 2016. - 137 с., С. 79.

УДК 372.82

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОМПАРАТИВИСТСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Фархитдинова Ольга Михайловна
кандидат философских наук, доцент

АННОТАЦИЯ: В статье рассмотрены процессы изменений значения и форм этноконфессиональных отношений, их структурные особенности, а также модели решения проблем на неоднородных территориях. Делается вывод о том, что появление нового, центрированного на этносе «словаря» самоописания представляет собой индикатор целенаправленных (программных) изменений самосознания народа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этноконфессиональные отношения, стратегии взаимодействия, религиозный фактор, миграция понятий/миграция без границ

ABSTRACT: The article considers the processes of changes in the meaning and forms of ethno-confessional relations, their structural and models for solving problems in heterogeneous territories. It is concluded that the emergence of a new ethnos-centered «dictionary» of self-description is an indicator of purposeful (programmatic) changes in the self-consciousness of the people.

KEY WORDS: ethno-confessional relations, interaction strategies, religious factor, migration of concepts/migration without borders

В XXI веке происходят значительные изменения в характеристиках пространств (реальных и виртуальных), изменяются представления о границах и качествах территорий государств. Одно из таких изменений связано с изменением значений и форм взаимовлияния этнических и конфессиональных общностей и их структур, как в рамках отдельных государств, так и территорий, объединяющих между собой несколько государственных образований. Значимым фактором, оказывающим влияние на эти процессы во всей их многоаспектности, становится миграция. В связи с миграционными процессами, имеющими как естественный, так и стихийный характер, меняется религиозный и культурный ландшафт современного мира.

Государства становятся все менее однородными этнически и конфессионально. Сосуществующие в рамках одного государства различные этнические и конфессиональные общности сталкиваются с новыми проблемами совместного проживания. Так, трансформацию претерпевает вопрос, касающийся идентичности. В современных сложно-организованных общностях, меняются представления о правилах и нормах совместного бытования, стратегиях отношения к инокультурным концептам.

Каузальную характеристику этого и подобного этапа развития и его особенностей в отличие от ранее состоявшихся под влиянием религиозного фактора изменений, предложил С. Г. Кара-Мурза: «собираение больших

этнических общностей со сложной социальной структурой, а также государственностью, происходит под влиянием религии» [3].

Религиозный фактор как один из основных в XXI веке интегрирован практически во все процессы, которые связаны как с изменением самосознания народов, так и с демографическими преобразованиями на территориях разномасштабной принадлежности. Первое из названных изменений носит мировоззренческий и (в исследовательском смысле) культурологический характер, второе – популяционный. Появление нового формата миграционной мотивации формирует иной образ жизни и потребностей как мигрантов, так и тех, кто относится к основным общностям территории. Как результат – наличие в составе современных социально-ориентированных праздников Международного дня мигранта – 18 декабря.

Предлагаю обратить внимание на ряд положений-следствий важных для понимания специфики этно-конфессиональных отношений сегодня: мононациональные общества встречаются сегодня гораздо реже, чем полинациональные, прозрачность этнических границ в связи с глобализационными процессами привела к возникновению некоторой археологической перспективы «старого света». Полиэтничность, казалось бы, как один из видов многообразия, является показателем того, что формирование и настоящее существование государств происходит по сей день. Однако, опыт народов, возникающий в связи с новыми колониальными перспективами, связан с политико-экономическими преобразованиями, созданием оппозиции западноевропейскому типу «деколонизации» последней трети XX века.

Итак, факт взаимовлияния соседствующих друг с другом государств сегодня мыслится в трех проекциях: пространственной (связан с географическим расположением); идеологической (связан с пересмотром роли границ в современном обществе, с явлением постколонизации и программой постколониализма); экономической (пересмотр перспектив ресурсного обеспечения и организации смысловых пространств). Об эффекте такого рода взаимовлияния, явлении взаимозависимости писал М. Мэрле: «явление взаимозависимости означает переход старого международного сообщества к современному... в результате: «закрытие пространства» (в связи с расширением масштабов человеческой деятельности, прогрессом средств транспорта и коммуникации); завершение правительственной монополии на внешние сношения» [4, Р. 150].

Можно констатировать, что в связи с происходящими изменениями стратегии межкультурных контактов стали, по существу, очень дифференцированными. Например, пересмотр онтологических оснований мультикультурализма как программы и модели разрешения сложных этнических и религиозных проблем, привел к появлению таких его форм как: мягкий, жесткий, активный и пассивный. Концептуально мультикультурализм и глобализация, на фоне миграционных потоков, стали приобретать черты программных образований, для которых имеется своя

идеология, концептуальная рамка и (алгоритм) последовательность реализуемых действий. Среди существующих моделей разрешения этнических и религиозных проблем (а к таковым относятся: модель ассимиляции в национальном государстве, модель культурной интеграции) мультикультурализм выделяется тем, что стал одной из эффективных стратегий по разрешению противоречий и проблем в неоднородных государствах.

Возникновение ряда новых терминов, миграция которых происходила не столько в территориальных границах, сколько в интеллектуальных, позволяет говорить о сложившейся системе координат нового социально-сложного образования этноконфессионализм. Новое научное направление, возникшее в конце XX века – конфессиональная геополитика – нацелено на исследование измерений религиозных пространств, пространственных составляющих религий как традиционных, так и вновь образующихся. Как следствие, попытки обнаружения механизмов, задействованных в трансформации этноконфессиональных пространств, например таких как политизация религии и отличное от первого, но не просто противоположное ему – религизация политики. Как то, так и другое понятие имеют следующие коннотации: политизация религии рассматривается как форма проявления политической составляющей в религии, в то время как религизация политики обнаруживает себя в тех религиозных ценностях, которые начинают транслироваться в поле политических действий. Нередко к таковым относятся факторы присутствия религии в публичном пространстве, образовательном и информационном. Политизация религии одна из тех форм, которая знакома западному сообществу и представлена партиями с интересами трех разных планов: узко-конфессиональными (Социал-демократическая лейбористская партия, Партия Юнионистов и Ольстерская демократическая партия); ультра-ортодоксальными (церковная организация Свободных пресвитериан); а также запрещенными сегодня ультранационалистическими, отстаивающими идею формирования этнического самосознания на основе веры в превосходство определенной нации. К последним возможно отнести «Великий союз индусов». Основываясь на идее богоизбранности индусов, члены Союза ставят своей целью обращение индийских мусульман и христиан в индуизм. Одна из модификаций подобной ультранационалистической установки – интеллектуальная деятельность одного из идеологов афроцентризма, Молефи Кете Асанте. Его работы представляют яркий пример того, как при помощи введения новых понятий, не имеющих четкого определения, создается посыл к пересмотру «традиционной науки с точки зрения народов Африки и африканской диаспоры» [5, С.7].

Политизация религии в России также имеет свои особенности. Были реализованы как минимум две самостоятельные модели и предложены несколько не получивших завершения. Так, к числу состоявшихся, но имеющих по сей день множество разнонаправленных следствий, можно

отнести развитие светской модели ислама (республика Татарстан); во-вторых, появление в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, большого количества образовательных и миссионерских организаций, что привело к радикализации ислама на обозначенных территориях.

Исследовательский интерес и внимание представляет такое явление переходного типа в рамках политизации религии, когда соединяется политическая (идея расширения границ, распространения, экспансии) и религиозная (мессианская идея), получают развитие мировоззренческие программы: паниндуизм, панисламизм, панславянизм, панафриканизм.

В России этноконфессиональное пространство становится все менее гетерогенным. Этнические и межконфессиональные границы в современной России, как и во всем мире, становятся все более подвижными. Межэтнические браки, смена этничности (религии, фамилии), появление большого количества этнофилософских работ, интерес к ним со стороны массового сознания создает палитру различий, но не «фестиваль дружбы народов» [1].

Не меньший интерес представляет появление такого термина как «диаспоризация мира», само содержание которого фиксирует особенности этнической миграции, являющейся базой для появления диаспорных сообществ, их институализации, а также проявления их конфликтогенного характера, нередко имеющего свои проекции в религиозной среде. Например, «религиозные погромы христиан в Индонезии, на Филиппинах. В Афганистане проповедь христианства талибы карали смертной казнью» [5, С. 33]. Что касается России, то появление «новых» диаспор и динамика этого процесса свидетельствует о политизации их деятельности. Отмечается тенденция создания нового типа документов, регулирующих взаимодействие со своими диаспорами внутри государств.

Обратим внимание на то, что сам факт возникновения новых значений терминов, их пересмотр является показательным для процессов изменения пространств и самосознания этноса. Вопрос о том, как влияют этноконфессиональные детерминанты на развитие социума становится сегодня стратегически важным.

Наряду с тенденцией производства терминов, замены контекстов существует другая: переопределение религии в соответствии с ее семантическими и таксономическими преобразованиями, что также отражает процессы, происходящие в религиозном ландшафте.

Клаус Мартин Шваб в своей речи 2016 в Давосе уделил значительное внимание идее четвертой промышленной революции, которая стремительно сказывается на общественном укладе и требованиях к навыкам и компетенциям человека, которые становятся сложнее и вариативнее. Поляризация мира происходит не по цивилизационному признаку, а по линиям гражданского и правового взаимодействия, где значительное место отводится диалоговому пространству между религиями и этносами. В 2019 году были предложены инициативы, важные для понимания места

отведенного религии и межрелигиозному сотрудничеству в современном мире. Что касается России, то сегодня идет подготовка к проведению в России 21 мая 2022 года Всемирной конференции по межрелигиозному и межнациональному диалогу. Количество конференций и мероприятий, направленных на разработку ресурсного плана по организации и проведению самого факта межрелигиозного диалога, позволяет предположить, что это одна из самых нерешенных проблем современности. Интерес вызывает такой факт, что чаще всего вопросы религиозной тематики вписаны в разнопрофильные научные мероприятия, где они сочетаются с экономической, политической, социальной, и духовной безопасностью.

Возвращение интереса к религии и религиозному приходится на эпоху постмодернизма, одна из причин – декларация плюрализма в культуре и познании. В качестве видимого итога: разрушение оснований рационального выбора убеждений, веры в Высшее Существо, формирование спекулятивного противостояния между монотеизмом и политеизмом. Тесное взаимодействие, в таком обществе, носителей различных систем ценностей и мировоззрений, позволило П. Бергеру предложить академическому сообществу утверждение о том, что мир, как и прежде, сохранил свою яростную религиозность. В этих условиях вполне очевидна нелегитимность опровержения религиозной веры, по утверждению К. Мейясу. В условиях допустимости разных систем ценностей, под религией может пониматься «нечто совсем иное», например традиция (А. Бадью), или субъективное представление о своей собственной вере (эгоцентрические религии Д. В. Пивоваров). Плюрализм декларирует и иные принципы когнитивного диалога между представителями различных религий: они требуют большего внимания к интересам гражданского общества, мирного урегулирования конфликтов, создания пространства экзистенциальной безопасности.

Библиографический список

1. Валерий Тишков: «Миграция становится фактором политической борьбы» («Разговор с Константином Косачевым»). – URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/novye_publikacii/valerij_ti.html
2. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; Пер. с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. – М.: Праксис, 2002.
3. Кара-Мурза С. Г. Этничность и религия // http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/4030-1.shtml
4. Merle M. Forces et enjeux dans les relations internationales. P. 1981.
5. РахАфрикана: континент и диаспора в поисках себя: П21 сб. науч. ст. / отв. ред. А.Б. Давидсон; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2009.